

555
8-64
P 175216

Е. КОНОНЕНКО

СМЕРТЬ ДЕТОУБИЙЦАМ!

ОГИЗ • ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ • 1942

СОДЕРЖАНИЕ

Страшные детские могилы	3
За что? Какая у них цель?	7
Это мы запомним навеки!	10
Товарищ, кровь детей зовет к мести!	15
Клянемся тебе, советский малыш!	17

Редактор *В. Троянкер*.

Подписано в печать 22 июля 1942 г.

Л 77418 Объем 1½ п. л. 38000 зн. в 1 п. листе. Тираж 100 000 экз. Заказ № 633.

Цена 30 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

СТРАШНЫЕ ДЕТСКИЕ МОГИЛЫ

У вас есть малолетние сыновья, дочери, младшие братья, сестренки? Представьте на минуту, что у него — вашего родного Вани, Миши, Гришутки, у вашей маленькой Аленушки, Наташи, Светланки — фашистско-немецкие ироды отрезают уши, руки, мучают, терзают, рвут на куски ребячье тело.

Вы вздрогнули. Да, это даже невыносимо представить. Но они это делают, подлые фашистские выродки, гитлеровские мерзавцы. Они это делают.

Товарищ, представь на секунду распластанный на земле трупик ребенка. В стеклянных глазах застыл ужас. А ведь у него были такие живые глазенки. Ему так хорошо было жить. Он был весел, как скворец. Прыгал и пел:

Мы веселые ребята
Наше имя октябрята...

И вот он лежит на земле, раскинув ручонки. Все тельце в крови...

Изверги проклятые! Детоубийцы в мундирах. Мстить, мстить этим гитлеровским кровососам, зверям. Нет, их нельзя назвать даже зверьми. Зверь оглушит жертву ударом, убьет тяжелой лапой, перегрызет горло, но он не станет наслаждаться страданиями жертвы. Да ведь даже самому дикому зверю свойственны материнские, отцовские инстинкты. А эти?! Они истязают детей. В деревне Пролетарка Орловской области они схватили двухлетнюю девочку колхозницы Аганьковой, заморозили ее тельце и заминировали. В другой деревне они на глазах у матери стали избивать мальчика Сашу Сергуна. Били его прикладом по глазам. Мать телом своим прикрыла ребенка. Гитлеровцы оттолкнули ее.

— Саша! Сашенька! Сынок! — звала мать. А они посадили мальчика на штык. Маленький Саша Сергун! Он умер на штыке, обливаясь кровью. Да, они истязают детей. Они прошибают тонкие, еще не окрепшие головы грудных младенцев, вспарывают кинжалами животы пятилетних малышей, отрезают уши, носы детям, закапывают детей живыми в землю.

Это тяжело, жутко слушать, читать. Но об этом надо знать. Пусть каждый человек знает, кто такие гитлеровцы. Пусть каждый навеки запомнит их злодеяния. Пусть мстит!

В украинском местечке Мариини немецкие фашисты совершили чудовищное злодеяние. Они собрали на дворе фабрики сто двадцать девять советских людей. Тут были и дети пленников. На глазах у детей мерзавцы приготовились расстреливать из автоматов и пулеметов матерей.

— Ма-ама! Мамочка! — звали плача ребяташки.

— Сынок мой! Доченька! Сыночек... — неслись душераздирающие вопли матерей.

Но ни те, ни другие еще не верили, что это все всерьез. Родителям казалось, что немцы хотят просто запугать, помучить их. Нет, нет, гитлеровцы сейчас уведут детей. Они должны, обязаны это сделать. Ведь есть же там, в Германии, у этих Карлов и Гансов свои сыновья и дочери?

— Уведите детей! Умоляю... уведите детей! — крикнул кто-то из толпы пленников.

Наглый смех был ответом. Немецкий офицер дал знак. Затрещали пулеметы. Раздались крики обезумевших от ужаса детей: на землю падали окровавленные люди. Но это не все. Этого было мало фашистским душегубам. Они убили матерей, отцов, а детей... бросили на трупы и закопали живыми. В городах Гадяч и Зеньково Полтавской области гитлеровцы поступили так же. Они подвергли пыткам, убили 280 мирных жителей, трупы их свалили в ямы, а потом на трупы бросили живых детей и зарыли их вместе с замученными матерями.

— Мама... мамонька... — кричали малыши. А потом и кричать перестали, только скребли ручонками землю, задавившую их.

Никогда не простит человечество, никогда не простит наш народ Гитлеру эти страшные детские могилы. Немецкие фашисты заживо погребают невинных малышей. Это мы хорошо запомним. Мы запомним и многие другие факты кровавых гитлеровских злодеяний.

Немецкие фашисты крадут у малолетних детей кровь и кожу. Знаете ли вы, что в одном из селений Лужского района Ленинградской области гитлеровцы четыре раза высасывали шприцем кровь у двухлетней девочки Нади Кузьминой и вырезали у нее десять кружочков кожи для заклейки ссадин немецким офицерам.

— Возьмите мою кровь, мою кожу, — в слезах умоляла мать девочки Ирина Ивановна Кузьмина.

— Нет, — ответили изверги, — нам нужна чистая детская кровь и мягкая детская кожа. Это хороший пластырь!

И они исполосовали ножом все тельце ребенка.

Немецкие фашисты топят малых детей.

Во многих селениях Подмосковья, освобожденных от германских захватчиков, найдены окоченевшие трупыки малолетних ребятишек, брошенных варварами в колодцы и проруби. Вы помните, что сделали двуногие звери с госпитальным судном «Сибирь», которое везло по Финскому заливу эвакуированных детей, женщин и раненых красноармейцев. Гитлеровцы утопили в морской пучине сотни малышей. Было так. По Финскому заливу спокойно шло наше госпитальное судно «Сибирь». Час завтрака. Дети собрались в столовой теплохода. И вдруг немецкие бомбардировщики стали кружиться, как коршуны, над теплоходом. Они прекрасно видели, что это — санитарное судно. Они видели это, двуногие звери! И все-таки сбросили бомбы. Много бомб. Заплакали испуганно маленькие дети, выбежали в страхе на палубу женщины, прижимая к сердцу грудных ребятишек. На теплоходе вспыхнул большой пожар. Бомбы разрушили рулевую и штурманскую рубку. Убит был наповал рулевой матрос. А капитана сбросило с мостика.

— Тушить огонь! — вскричали матросы. Команда бросилась тушить пламя. Но... все противопожарные средства были разрушены немецкими бомбами. Матросы стали черпать воду ведрами. Куда там! Огонь уже охватил половину корабля. Падали горящие балки, погребая людей. Неслись крики женщин, плач детей, стоны раненых.

— Спасать людей!

Матросы и санитары самоотверженно бросились прямо в огонь, выносили на корму детей и раненых.

— Шлюпки!

Но шлюпок осталось мало, они были разбиты бомбами. Что делать? Гибнут люди... Горят маленькие ребята... Что делать? Матросы стали бросать в воду бревна, чтобы люди могли ухватиться за них, пока не подоспеет помощь. В отчаянии металась матери по горящему теплоходу. Бросались вместе с детьми в воду, цепляясь за доски. Матросы обожженными руками сколачивали плоты и спускали их на воду.

— Для детей!

— Мы спасем, спасем ребят, — радостно вскричали люди.

И вот слушайте, что произошло дальше. Даже писать об этом трудно. Немецкие хищники стали на бреющем полете расстреливать в упор шлюпки и плоты, на которых находились дети и раненые. Вода стала красной от крови. Зарево пожара осветило страшную картину. Дети пытались плыть, держась за обломки шлюпок, плотов. А фашистские палачи поливали их пулеметным огнем. И малыши погибали в

холодной пучине. Клокочет злоба в сердце, слезы подкаты-
вают к горлу, когда вспоминаешь маленьких, беспомощных
крошек, которых топили негодяи. Но плакать мы не будем.
Мы будем мстить, мстить палачам за их кровавые преступле-
ния. Никогда еще мир не знал таких безумных, порочных,
таких жестоких насильников и мучителей.

Немецкие фашисты сжигают младенцев. Швыряют в ко-
стры, в пылающие русские печи.

Город Петриков. Учительница Кустанович шла по улице со
своим ребенком. Немцы затащили ее в какой-то дом и стали
допрашивать. Учительница отвечала:

— Не знаю... Нет...

Да разве сказала бы она, если бы и знала! Разве предала
бы свою родную землю?! И вот эти мучители, убийцы разо-
жгли перед окнами дома огромный костер.

— Назовите комиссаров, которые скрываются в городе, —
приказал фашист.

Учительница молчала. Офицер дал знак. Солдаты схватили
ребенка и бросили в костер. Леденящий душу детский крик
ворвался в комнату. Пламя охватило ребенка. Он горел, а
фашистские мерзавцы насильовали его мать. Потом они убили
учительницу. Человеческие выродки! Дрожишь от гнева, ко-
гда представляешь себе, как горит, крчась от боли и ужаса,
ребенок, брошенный в пламя на глазах матери.

Многим нашим детям, особенно младшим, которые временно
попали в лапы немецких фашистов, казалось:

— Ведь мы маленькие... Нам-то они, наверное, ничего не
сделают. Ведь мы ребята!

Так казалось нашим мальчуганам и девочкам, потому что
они привыкли с первых дней своей жизни на родной земле
встречать любовь. Да, так казалось маленькой советской де-
вочке в ситцевом сарафане, которая спокойно собирала в лесу
землянику, радуясь солнышку и спелым ягодам. Об этой де-
вочке рассказал партизан Виктор. Девочка собирала земля-
нику. Она была счастлива: ее корзинка наполнилась до краев
ягодами. Она напевала песенку. Вдруг из-за куста выскочил
немецкий фашист и застрелил девочку. Подлец сел тут же
недалеко от ее окровавленного тельца и стал жрать земля-
нику, которую она собрала.

А вот что произошло в Феодосии. На одном из домов по-
явилось объявление:

«Выставка детских игрушек.

Вход свободный».

Какие-то шептуны уже разносили слух по городу: «Немцы
добрые. Выставку для детей устроили. Идите, деточки, идите,
игрушки очень красивые, вы таких никогда не видели».

Ребятишки пошли посмотреть на диковинные игрушки. Фашисты встретили их, сладко улыбаясь:

— Гутен морген! Идите, деточки, идите...

У малышей разбежались глаза. Тут были интересные лошадки, заводные автомобили, куклы. Дети робко дотронулись до игрушек, чтобы их получше рассмотреть. И закричали, забились... Лошадки, куклы и автомобильчики были заминированы. Наши ребята, наши советские малыши были разорваны в клочья. Кровь и мозг детей брызнули на стены. Все феодосийские жители узнали, какие «добрые» фашисты! Впрочем, эти злодеи скоро перестали прикидываться добряками. Они арестовали множество стариков, женщин, детей, посадили их в черные фургоны и привезли к противотанковому рву. И всех расстреляли. У одной женщины — Елизаветы Чкинадзе — был совсем крошечный ребенок, трехмесячный. Они и его расстреляли.

Всем ли известно о фашистской «перерегистрации» детей в Феодосии? Гитлеровцы объявили: дети обязаны явиться с матерями в такой-то час на перерегистрацию. Матери привели детей. Записав фамилию и имя ребенка, преступники смазывали ему губы какой-то желтой жидкостью, и вскоре отравленный ребенок задыхался и умирал. Какие страшные детские смерти! Какие страшные детские могилы!..

ЗА ЧТО? КАКАЯ У НИХ ЦЕЛЬ?

На дороге недалеко от одного местечка, побывавшего в руках гитлеровцев, красноармейцы нашли четырехлетнюю девочку Женю, которой немецко-фашистские ироды сломали ручки и ножки, разрезали кинжалом живот. И невольно вырвался из уст одного из бойцов стон:

— За что?

Красноармейцы взяли на руки умирающее дитя, отнесли в госпиталь. Девочка скончалась в страшных мученьях.

За что? За что немецкие пулеметчики в селе Воскресенском Дубининского района превратили трехлетнего мальчугана в мишень для пристрелки своих пулеметов?! За что в селе Волово Курской области гитлеровский офицер ударил изо всех сил двухлетнего сынишку колхозницы Бойковой головой о стену и убил насмерть?! И на хуторе Богдановка Тульской области тоже был такой случай. Крошечная русская светловолосая девочка, советская наша малютка, была на руках у матери, когда в избу вошел фашист. Протянула ручки, улыбнулась, залепетала что-то. Несмышлениш! Разве

она понимает, кто это. Видит — дядя, вот и лепечет... А этот мерзавец схватил девочку за ножки и разможил ее светлую голову об угол печки. За что? Или вот в селе Винево Московской области в те дни, когда там хозяйничали гитлеровцы, произошел такой случай. Фашистский начальник созвал крестьян. Потом скомандовал: «Пусть матери, у которых на руках грудные дети, выйдут вперед». Вышли. Начальник дал знак. Солдаты выхватили у женщин двух младенцев и потащили к проруби. Всех охватил ужас. Капли холодного пота выступили на лицах людей. Закричали матери:

— Что вы делаете, изверги!

А ледяная вода уже поглотила малюток.

За что? Для чего немецкие фашисты так расправляются с малолетними, даже с грудными детьми? Что им сделали эти малыши?

Ничего им не сделали эти малыши. Цель ясна. Немецко-фашистские мерзавцы, гитлеровские выкормыши задались безумной целью истребить всех детей, не принадлежащих к немецкой, к арийской, как они говорят, расе.

Им все равно — русский это ребенок, украинский, еврейский, узбекский, грузинский, татарский и т. д. Им все равно — маленький это чехословак или француз. Маленький англичанин или американец... Раз ты не ариец, не фриц, — погибай. Вот такая гнусная, подлая, кровавая и сумасшедшая у них цель. Гитлеровцы считают всех людей, не принадлежащих к их расе, какими-то низшими существами, не имеющими права на жизнь. Это они-то, детоубийцы, людоеды, уничтожающие все разумное и прекрасное на земле, смеют считать нас низшими существами!

Да, они так и заявляют. Вот бредовые слова, не слова, а лай бешеного пса Гитлера:

«Если мы хотим создать великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Нет никаких причин не сделать этого».

Так сказал людоед Адольф Гитлер.

И еще он сказал:

«Надо прежде всего добиться уменьшения числа славянского населения... Нужно уничтожить 20 миллионов человек. Начиная с настоящего времени, это будет одна из основных задач германской политики, задач, рассчитанных на длительный срок, — остановить всеми средствами плодовитость славян».

Вот почему гитлеровцы вспарывают кинжалом и штыками животы беременных женщин, отрезают груди кормящих матерей, бомбят родильные дома и детские сады, бросают в

костры, в пылающие печи, в колодцы грудных детишек... Гитлер прямо так и приказывает своим войскам:

«Нужно разработать технику сокращения чуждого населения... Кто может оспаривать право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые».

Вот до чего договорился этот кровавый разбойник!

Для нас, для меня, для тебя, товарищ, наши родные Мишутки, Вани, Сережи, Жени, Бори, Наташи, Машеньки, Верочки — это дорогие, беспредельно любимые дети, а для гитлеровцев это насекомые, которых нужно давить, выбрасывать.

Гитлеровцы так и поступают. Давят, выбрасывают. В одном городке они согнали на площадь детей, приказали им лечь на спины и топтали сапогами, подкованными гвоздями.

Очень часто гитлеровские разбойники бросали ребятишек в печь, за окно, и можно было бы привести множество примеров, от которых кровь стынет в жилах.

Да вот читайте один из актов, подписанных очевидцами.

«А К Т

22 января 1942 г.

Мы, нижеподписавшиеся, колхозники колхоза «Труд» Спасского сельсовета Тепло-Огаревского района Тульской области, составили настоящий акт о нижеследующем:

На снег выброшен трехлетний больной ребенок матери Садовой О. А. Трехлетний Шура Садовоев перед вечером стал капризничать и плакать. Гитлеровские людоеды что-то залопотали по-немецки. Один фашист-зверь подошел к матери, схватил ребенка, как вещь, а не человека, и в одной рубашке выбросил на снег под окном дома.

Мать ребенка, Ольга Алексеевна, бегом бросилась из дома на улицу к ребенку, но фашистский палач выхватил пистолет и, угрожая им матери ребенка, приказал не выходить из дома.

Через час-полтора мать украдкой от немцев вышла из дома, взяла ребенка со снега и ушла с ним к соседям. Ребенок больше не плакал, хотя он был жив. Мать нежно прижимала дитя к груди, целовала его, обливаясь слезами, но Шура психически заболел и через восемь дней умер.

О чем и составлен настоящий акт.

Подписали колхозники в количестве 10 человек».

Таких актов множество! Тут все записано. Тут — подлинные факты.

Собраны у нас и подлинные приказы германских начальников: «...убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я — поэтому убивайте» (Геринг) или:

«Страх перед немцами должен войти в каждого до самых его костей. По отношению к большевистским «подчеловекам» не может быть никакого снисхождения. Это относится также к женщинам и детям» (приказ № 91 по дивизии). В другом приказе — 13-го армейского германского корпуса — «немецким солдатам предлагается уничтожать, как партизан, мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 16 лет».

Мы сохраним все эти акты, все эти приказы. Никуда не уйдут от них бешеные фашистско-немецкие собаки, когда мы их посадим на цепь.

ЭТО МЫ ЗАПОМНИМ НАВЕКИ!

Мы сохраним выставку документов «В защиту детей от фашистского варварства», открытую в Москве Центральным комитетом комсомола. Кто из вас был на этой выставке, читатели? Не все. Надо рассказать о ней. Такой выставки еще не было в истории человечества. Это обвинительный акт германской фашистской банде. Это приговор им. Глядишь на потрясающие фотографии, на эти изуродованные детские личики, которые смотрят со стен, и сжимаются кулаки от негодования. Будь ты проклят, детоубийца Гитлер! Пусть бы эту выставку посмотрели немецкие матери. Да, да, пусть бы они посмотрели. Если их сердца не обросли шерстью, из их уст вырвался бы стон ужаса и слова проклятия гитлеровской своре. И, может быть, не сдна, а многие честные немки, которые не потеряли совесть, прошептали бы побелевшими губами: «Если то, что я здесь вижу, сделал и мой сын, — я отрекаюсь от него, ибо это не человек, а чудовище».

Вот они, наши дорогие малыши, наши советские ребята. Смеются, поют, пляшут. Маленькая девочка лакомится слизками. Мальчишки купаются в солнечной воде. Радость, улыбка. Так они жили. Мы их лелеяли, берегли, как самое дорогое. Мы растили из них строителей, творцов. Мы не хотели войны. Вот фотография: спокойно спит дитя. Что-то снится, видать, хорошее. Это было в ночь на 22 июня 1941 года. И вдруг, словно коршуны, налетают германские самолеты с фашистской свастикой. Бомбы... Пожар, кровь, смерть. Тут все показано: как они бомбят родильные дома, — вот дымятся развалины родильного дома. Тут все показано: как они жгут

детские сады и школы. Вот здесь были ясли. Здесь играли ребятишки. Сейчас это — пепелище, и только каким-то чудом уцелел игрушечный конь; она встала на дыбы, эта деревянная лошадка, на нее больно смотреть! Школа в поселке Ясная Поляна. Вот какая она была раньше, до прихода этих варваров. Прекрасное, светлое здание. Скульптуры детей. А вот бегут живые ребятишки в школу — бодрые, свежие, полные сил. И рядом на фотографии — это же здание: страшные обломки, черные головешки, слепые глазницы окон, обгорелые книги на земле, статуя мальчика с отбитыми руками.

Тут все показано: как они убивают детей и матерей... Витя Черевичный с голубем в руке.

Мертвый голубь и мертвый мальчик. Он играл со своими голубями, этот мальчуган. Гитлеровцы его расстреляли. Его лицо окровавлено. Холодеющая рука еще сжимает растрепанное крыло голубя. Это было в Ростове-на-Дону, на углу 22-й линии и 2-й Майской улицы. И вот еще документ — отец Вити, рабочий завода «Аксай», и Витины братья над телом мальчика. Это все тут запечатлено. Мы этого не забудем!

А это было в Керчи... Изверги приказали родителям отправить детей в школы. Рано утром 245 детей, подчиняясь приказу, пошли в школы. Они не вернулись домой. Вот их трупы...

Мать протягивает руки. Мать ищет сына, зовет его. А он лежит на земле. Слепые глаза, мертвые руки. А вот дети без крова, без матерей, без отцов. Это — Руза. Тут все — документы.

«Изувеченные». Так называется раздел выставки. Изувеченные дети. Те самые, которые так весело смеялись, пели, строили свои модели, выращивали цветы и плоды. Они — калеки. В Москве в детской больнице имени Русакова находятся на излечении десятки изувеченных фашистами детей.

Со стены смотрят огромные, полные недетской скорби глаза пятилетней девочки Вали Башлыковой. Худенькое тельце, забинтованные ноги. Двадцать дней этот ребенок прожил в оккупированной немцами деревне. Ее выгнали в свирепый мороз на улицу. Она шла босыми ножками по снегу. Не ее ли башмачки так понравились фрау Луизе?! Тут, на выставке, собраны письма некоторых жен германских фашистов.

Луиза пишет своему Вильгельму: «Дорогой Вильгельм, вчерашний день был для меня настоящим праздником. Я как раз уложила Карла, но он не хотел уснуть и не переставая кричал: папины подарки так хороши — знаешь, желтенькие ботиночки как будто сшиты для него...»

Иди сюда, Луиза, взгляни на эти страшные культяпки детских ног! Представь себе, что это ножки твоего Карла. Ты вздрогнула. Иди сюда, фрау Луиза, посмотри на этого мальчика с отпиленной рукой. Это Ваня Громов из деревни Новинки Московской области. Он очень любил делать скворечницы и здорово их мастерил. Его звали «Ваня — золотые руки». Немцы-фашисты отпилили ему кисть правой руки. Что бы ты сказала, Луиза, если бы твоему Карлу стали пилить руку!

Потрясающий уголок выставки: «История болезней». Это обыкновенные больничные листки. Их принесли из детской больницы имени Русакова. Вот эти листки: Коля Казаков. Три года. Открытый пролом черепа. Сима Малкина 12 лет. Сквозное огнестрельное ранение лица, оскольчатый перелом обеих верхних челюстей и носовой кости. И дальше, дальше... мальчики без глаз, девочки с переломанными ногами. Детоубийцы в зеленых мундирах! Они заплатят своими головами за эти ослепшие детские глаза, за эти переломанные детские кости.

Главный врач больницы В. Кружков говорит: «Двадцать восемь лет я работаю хирургом в Русаковской больнице. Нервы хирурга закалены. Я привык наблюдать страдания детей. Но когда я увидел детей с изуродованными лицами, с исковерканными конечностями, трехлетних детей, у которых еще неокрепшие косточки раздроблены фашистскими пулями, я содрогнулся. Вот оно, омерзительное лицо фашизма!..

Впервые в истории войн солдат воюет не с солдатом, но с мирным населением, с детьми. В нашей больнице лежал грудной ребенок, раненный в грудь, как боец».

А вот что рассказывают сами дети, которые лежат в больнице.

Лиде Рябцевой тринадцать лет. Она из деревни Узорово Лотошинского района, Московской области. Привезли ее в больницу с огнестрельным оскольчатым переломом большой берцовой кости. Вот что рассказала Лида:

— Когда к нам в деревню пришли немцы-фашисты, я не знала, какие они. Я думала, что они только на войне злые и убивают людей, а в деревне убивать не будут. Но и в деревне они тоже убивали и даже не жалели маленьких детей. Один раз немецкие офицеры варили себе обед в Петинной избе. Петя — наш сосед, мальчик. Наварили, нажарили всякой всячины. А Петя был очень голодный, немцы у них все отняли. И вот Петя съел у них из обеда одну картофелину и маленький кусочек мяса. За это они схватили Петю и сожгли. Так прямо живого в русскую печку и бросили, в самый

огонь. А в другой раз они убили девочку Зину, ей пять лет. Прикладом по голове убили. Коля, брат ее, так горевал, так горевал, хотел отомстить за сестру. Немцы поймали его и повесили. И всю семью Колину повесили: мать и четверых детей, самому маленькому двух лет не было. Вот отец ихний придет с фронта и никого не застанет — как убиваться будет! Хоть бы там хорошенько за своих детей немцам отплатил! А меня ранили, когда мы в щель прятались. Мы побежали, а немцы увидели, что мы бежим, и начали из пулемета стрелять. Многих насмерть поубивали, а меня ранили...

Сердце обливается кровью, когда видишь этих искалеченных немецко-фашистскими извергами детей. В больнице лежала маленькая девочка. Глаза полны недетского ужаса. Руки и ноги обморожены. Трепетала, шептала что-то и все оглядывалась назад, словно за ней гонятся. С этой девочкой случилось страшное. Ворвалась фашистская свора в Спасо-Помазкино, стала жечь дома, стрелять, безобразничать. Мать девочки подняла детей в чем они были и побежала прочь из деревни. Она прижимала к себе грудного ребенка, а трехлетнего тащила за руку. Шестилетний мальчик и дочка бежали рядом. Немцы прицелились. Убили мать. Она упала в снег, выронив ребенка. Девочка схватила грудного на руки. Шестилетний и трехлетний уцепились за ее юбочку. А ей самой-то всего десятый год!

Так и побежали втроем... Изверги прицелились еще раз. Пристрелили шестилетнего. Упал, обливаясь кровью. Во весь дух мчалась девочка с младенцем. За ней, громко плача, спотыкаясь, падая в снег и снова поднимаясь, семенил трехлетний малыш. Фашистская пуля скосила и трехлетнего. Раскинул ручки, забился на снегу. Девочка все бежала, бежала вперед, не помня себя от страха. Грудной ребенок замерз и перестал дышать. Прижимая к себе трупик младенца, девочка мчалась вперед. Ветер сорвал платок с ее головы, снегом замело светлую головку.

Детоубийство, издевательства, насилие над детьми и подростками были всюду, где прошли немецкие фашисты.

Мы имеем еще фотодокумент: труп шестнадцатилетней русской девочки из местечка Д. Изнасиловали, оплевали душу и тело и потом убили, растерзали, буквально растерзали, разорвали. Какие ужасные раны зияют на теле подростка!

Слушайте, запоминайте, женщины-матери, что делают немецко-фашистские преступники с девочками-подростками. Они зверски насиловали девочек, заражают венерическими болезнями, сифилисом. В городке Западной Украины восемь гитлеровцев изнасиловали, а потом убили и повесили головой вниз школьницу-подростка.

В белорусском селе Лады гитлеровские холоуи обесчестили и расстреляли тринадцать школьников. В русской деревне Милутино негодяи изнасиловали и изуродовали тринадцатилетнюю Настеньку Давыдову. В Холмах схватили шесть девчат в возрасте от 15 до 17 лет, сорвали с них платье, вырезали груди, выкололи глаза...

Ты побледнела, женщина-мать. Ты представила себе, как мучают, уродуют твою родную любимую дочку. Сердце твое остановилось. Нет, этого даже не представишь! А они, фашисты, это делают. Они погубили уже множество девочек, девушек.

Вот письмо человека, который видел своими глазами зверства немцев и сам испытал их на себе. Письмо медицинской сестры Нины Ярош. Нина Ярош, самоотверженно помогавшая раненым, теперь сама ранена. Она лежит на больничной постели. Ее привезли сюда из района, где бесчинствовали немцы.

«Я, медсестра Ярош Нина, находилась у немцев 21 день. И передать всех тех ужасов, которые царят там, я даже не в силах.

Я теперь получеловек, меня немцы изуродовали: у меня нет груди, они ее выпекли, у меня нет волос — они их сожгли, и нет пальцев — они их отрубили. Но о себе не буду... Я взрослая. Но вот одна девочка, Люда Петрова 15 лет, о которой я должна, я хочу рассказать, как ее замучили. Девочка — стройная, рослая, умница, веселая и скромная. Она была душой детей в школе, все ее любили. И училась хорошо, похвальные грамоты приносила. Училась она в десятой школе г. Черкассы, в этом цветущем уголке Украины. Мать девочки ушла в ряды Красной Армии на второй день войны. Изверги пытали Люду, где мать, где соседи — коммунисты рафинадного завода. Собрали детей на дворе, и начались пытки. Девочку на глазах детей изнасиловали, потом жгли. Тело девочки висело около той беседки, где она занималась, готовила уроки...»

Это страшно, товарищи. Нельзя узнать об этом и потом спокойно ходить по земле, есть, спать. Это надо все запомнить. Отплатить. Поскорей отплатить! За труп этой Люды, за Настеньку, за изуродованное, разорванное тело девочки-подростка из местечка Д., за мертвое грудное дитя. Фотография, ребенок лежит на земле, и на байковом детском одеяльце с двумя полосками по краям, столь знакомом всем матерям, — кровь, пятна крови.

ТОВАРИЩ, КРОВЬ ДЕТЕЙ ЗОВЕТ К МЕСТИ!

В кармане одного немца-фашиста нашли письмо некоей фрау Траудель. Она пишет мужу-гитлеровцу Леонгарду, она настаивает прислать ей некоторые вещицы для ее детей.

«...Ничего, если они испачканы или в крови, их можно выстирать», — пишет эта Траудель. Да, тут так и написано: «...их можно выстирать». Сердца всех матерей мира должны содрогнуться и заклокотать от гнева, читая мерзкое письмо этой волчицы.

Нет, фашистская самка, ты никогда не смоешь кровь наших детей с гитлеровских убийц!

Каким жутким пыткам подвергают немецко-фашистские разбойники детей и подростков школьного возраста! Отрезают им уши, носы, жгут их тела горящими папиросами, вешают. Этим ребят они особенно ненавидят. Они прекрасно понимают, что наши школьники — это гордые советские орлята, не рабская кровь течет в жилах наших подростков...

В Вязьме в пустом доме два мальчика тайком от немцев ухаживали за тяжело ранеными красноармейцами. Это были школьники с соседнего двора. Немцы пронюхали, схватили мальчиков, привели в штаб карательного отряда. Офицер стал издеваться над мальчиками. Он поманил одного из них.

— Подойди ближе, ближе...

Когда мальчик подошел ближе, фашист резко, грубо схватил его за нос. Мальчик вскрикнул от боли. Фашист расхохотался и схватил еще больней. Другой мальчик не стерпел и бросился защищать друга.

— А-а, сталиннюгенд! — вскричал офицер, выхватил бритву и отрезал мальчику нос. Нет слов, чтобы заклеить всю подлость этого мерзавца.

Да, наши ребята — сталинская молодежь. Это прекрасная, благородная, идейная, чистая молодежь, а не стадо тупых, грязных и злых свиней, на которых похожи юные гитлеровцы. И мы за нашу дорогую молодежь, за детей своих будем драться до победного конца — пусть знают это детоубийцы в мундирах германской армии.

Гитлеровский офицер отрезал мальчику нос. Мы отрубим гитлеровскому офицеру голову! Гитлеровский холуй отрубил школьнику Коле Перетятко и школьнику Коле Леонтьеву руки. Мы возьмем сотни фашистских жизней за эти отрубленные детские руки.

Эти мальчики — Коля Перетятко и Коля Леонтьев — настоящие советские патриоты.

Немцы ворвались в село Акимовку. Рыскали по избам,

грабили, жгли. В дом Перетятко вошел один из гитлеровцев. Жадно набросился на сундук с вещами. Коля Перетятко стоял у стены. Молчал. Но вот немец схватил красный галстук мальчика. Коля вспыхнул.

— Все берите, только не это! — воскликнул он и вырвал свой пионерский галстук из лап фашиста. Офицер обозлился, выхватил клинок и отрубил Коле Перетятко обе руки.

А с Колей Леонтьевым было так. Он — житель города Луги Ленинградской области. Немцы привели его на допрос в штаб.

— Скажи нам, мальчик, где твой старший брат?

Коля молчал. Он твердо решил, что не произнесет ни одного слова. Пусть фашистские гады делают, что хотят, но он будет молчать. Немцы ждали. В их глазах закипала злость.

— Отвечай же. Мы не шутим, мальчик. Иначе тебе будет плохо.

У Коли мурашки пошли по телу. Да, он знал, что они не шутят. К нему приближались разъяренные лица гитлеровцев. Не лица, а морды. Противные фашистские морды.

Коля подавил страх и гордо взглянул в глаза немцев. Тогда они стали его мучить. Они отрезали Коле уши. Они отрубили Коле кисть правой руки. Мальчик-герой, обливаясь кровью, молчал. Мужество русского мальчика привело палачей в иступление.

— Это невероятно, — вскричали они, — это не мальчик, а дьявол какой-то.

Нет, это был мальчик, а не дьявол. Это был обыкновенный ребенок, и от нестерпимой боли он стиснул зубы. Но это был советский ребенок, и в его окровавленном, замученном гитлеровцами теле билось большое сердце настоящего борца.

Кровь наших детей зовет к мести. Пусть немецким женщинам — женам, матерям, невестам, дочерям фашистских душегубов приснятся окровавленные детские трупы, пусть они услышат стоны и хрипы замученных, брошенных в колодцы, в огонь, заживо погребенных детишек. Но пусть они услышат и предсмертные крики своих разлюбозных Карлов, Фрицев и Гансов, — мы истребим их, они не вернуться в Германию. Если враг не сдастся — его уничтожат. Если враг подличает — ему мстят. Мы отомстим не только за жизнь погибшего советского ребенка, но и за каждую каплю детской крови.

Мы — это наши братья, отцы, сыновья, мужья, сестры, все наши близкие, которые сражаются сейчас на фронте с немцами.

Мы — это все наши товарищи, которые защищают родную землю.

Мы — это каждый из нас в тылу. Нас очень много. И пусть знает фашистско-немецкая падаль, что еще многие из нас пойдут бить их, сменят раненого или погибшего товарища, брата, отца, друга. Мы выйдем из строя — нас сменят другие. Силы наши неисчерпаемы, и мы сметем с лица родной земли фашистскую чуму. Не уйдут гитлеровские палачи от расплаты за все свои преступления. Тысячи фашистских жизнёнок возьмем мы за каждую каплю детской крови.

В письмах, которые посылаются на фронт, мы говорим и будем говорить:

— Отплати за смерть советских детей!

Бойцы Красной Армии! Дорогие наши защитники родной земли! Отплатите фашистскому отродью за загубленные ребячьи жизни, за обесчещенных дочек, за повешенных мальчиков, за сожженных младенцев, за раздавленных немецкими танками матерей.

Каждая мать ждет дорогого сына с фронта, ночами не спит, думает о нем, которого родила, вскормила, выходила, вырастила. Но мать не только просит, — она требует от сына-фронтовика:

— Отомсти Гитлеру! Благословляю тебя на самую страшную месть детоубийцам.

Но мстить детоубийцам можно не только на фронте.

Мстить, добиваться их полного разгрома можно в самом глубоком тылу, на своем заводе, в своей родной деревне — везде, всюду.

Бей Гитлера и его шайку самоотверженной работой!

Что бы ты ни делал, где бы ты ни работал, какие бы ты трудности ни переживал, — наступай трудом своим на гитлеровских детоубийц. Вместе с фронтовиками громи душегубов! Чтобы ты ни делал, пусть перед тобой будут детские глаза, в которых застыл ужас, мертвые ручонки, раны на детском теле... Отомстим за него!

КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, СОВЕТСКИЙ МАЛЫШ!

Тысячи детских жизней загублены гитлеровцами. Вернуть ребят, погибших мученической смертью, мы не можем. Но наш святой долг позаботиться о тех детях, которые живы, но немецко-фашистские бандиты отняли у них семью, убили матерей, отцов. Таких ребятшек много. У них была одежда — гитлеровцы украли ее. У них были жилища — злодеи сожгли их. У них были любимые матери — преступники растерзали

матерей. А у иных из этих детей отцы сейчас на фронтах дерутся, не жалея сил и жизни, за наше общее счастье.

Мы не можем, не должны считать этих ребят сиротами! Не дадим их в обиду, заменим им семьи, которые они потеряли, вылечим, выходим, воспитаем. Это будет лучшим проявлением ненависти к фашистским злодеям. Это будет лучшей памятью о героях, проливших за нас кровь. Это будет лучшим подарком нашим фронтовикам. Мы скажем нашему воину: «Клянемся тебе, славный советский воин, мы сбережем твоих детей. Что бы с тобой ни случилось на поле боя, твоего сына, твою дочку приголубим, вырастим».

Поддержим благородный почин работниц московского завода «Красный богатырь» и командира-моряка Петра Безносилова, которые удочерили, усыновили осиротевших ребятешек, вырванных из лап смерти бойцами Красной Армии.

На заводе «Красный богатырь» это началось так. В цехе № 3 шел в обеденный перерыв митинг. Говорили о фашистских зверствах. Говорили о сиротах. Думали сообща, как помочь людям, пострадавшим от германских захватчиков. И вот взяла слово работница Елена Семеновна Овчинникова.

— Товарищи! Прошу слова... Товарищи, прошу слова, как мать.

Тихо стало в цехе.

— Женщины, матери, все это так, все это хорошо,— говорила Овчинникова, — сундуки пересмотрим, найдутся и рубашонки и платья. Принесем! Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу... Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!

Работницы плакали.

— Товарищи, — поднялась еще одна мать, — я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать загубили. А если отец на фронте... Ну, что ж, выхожу, сберегу — вернется из армии, скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла.

Работницы Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Садридтинова, Идельчук стали горячо хлопотать, чтобы им государство доверило усыновить и удочерить сирот. Потолковали с женщинами, обследовали их бытовые условия, здоровье и разрешили.

Женщины поехали за ребяташками. День этот никогда не забудется. Дети постарше сгрудились вокруг женщин, смотрели на них исподлобья большими печальными глазами, в которых застыло горе. Эти все понимали. У многих из них немцы убили матерей на глазах. Малыши — двухлетние,

трехлетние крошки — бросились к женщинам, стали ласкаться, как к родным матерям. Иные, совсем несмысленно, протягивали ручонки и лепетали: «Мама! Мама!»

Работницы глотали слезы. Все произошло быстро и как-то само собой. Голубоглазая трехлетка Вера доверчиво потянулась к Софье Афанасьевне Шаровой.

— На ручки, — сказала она.

Шарова подняла девочку, прижала к груди.

— Доченька, — сказала она, волнуясь, — пойдем домой. Доченька моя.

Вера обхватила ручонками шею Софьи Афанасьевны. И, не отрывая мокрого от слез лица от горячих щек ребенка, пожилая женщина объявила всем:

— Моя...

Трутнева взяла семилетнюю Светлану, Цибульская — восьмилетнюю Дусю, Идельчук — трехлетнюю Галку, Овчинникова — Надю, у которой немцы убили отца и мать...

Замешкались около Садридтиновой. Татарка Садридтинова сидела возле кровати мальчика, который очень ослаб и поэтому не мог ходить. Садридтинова гладила его волосенки, а сама тем временем присматривалась к детям: кого взять. У нее двое своих дочерей.

Пора было решать. Садридтинова поднялась.

— Ма-а-ма! — затрепетал вдруг болезненный мальчик, которого она приласкала, — мама, не уходи. Куда ты?

Он схватил ее руку, прижал к лицу. Прекрасные синие глаза ребенка были полны слез.

— Садридтинова, — шептали ей работницы, — он хилый, больной... Подумай, не тяжело ли тебе будет?

— Жалко мне. Беру больного! — решительно тряхнула головой Садридтинова. — Вылечу, выхожу, человек будет.

Незабываемые минуты пережили работницы «Красного богатыря», увозя ребятишек. Другие малыши цеплялись за их руки, обнимали их колени.

— С тобой, — лепетали они.

Кто-то из ребят постарше подошел и тихо, стыдливо сказал:

— Возьми меня... У меня мамку и папку германцы в землю закопали. Я — один...

— Мы укутали своих ребят, — вспоминают матери, — и скорей ушли. Но до сих пор у нас в ушах этот детский плач: «Возьми меня...»

«Красный богатырь» приготовил сердечную встречу детям, которые нашли семью. В просторной квартире работницы Матрены Ивановны Ивановой был приготовлен горячий ужин. Детям подарили игрушки, ласкали их. И ни о чем не

спрашивали... Потом матери повели ребят к себе. Дети Овчинниковой встретили крошечную колхозницу Надюшку, как родную сестру. Старшие девочки уже нагрели воду, чтобы ее выкупать. Младшие выложили все свои игрушки...

Как-то я была на квартире у Шаровой. Верочка, чистенькая, свежая, в теплой красной кофточке, во всем домашнем, отдыхала после обеда на диване. Подле нее сидели совершенно счастливые Софья Афанасьевна и Иван Ильич. Верочка тоненьким голоском пела.

— В первый раз! В первый раз запела...—радостно объявила Софья Афанасьевна.

Первые дни ребенок был тих и неподвижен. Ей подарили куклу — она на нее не смотрела. Ей подарили цветного гнома — она сказала: «немец», и затряслась. Стали говорить о валеночках, которые надо ей купить. Она прошептала:

— Валенки в песке закопаны, а то немцы возьмут!

Светлану застали с бабушкой: Татьяна Васильевна Трутнева была на работе. Светлана и бабушка сидели у печки. Светлане — восьмой год. Задумчивое личико, все еще грустные и растерянные глаза. Сидит, как зайчонок. Она из Солнечногорска. Много видела ужасов. Иногда возьмет в руки куклу, одернет платьице на ней и снова задумается. Зажужжал самолет, Светлана затрепетала, съежилась.

— Германы! Бабушка, германы...

— Нет их, милая, нет, внученька, это наши летают,—успокаивает бабушка,—да что ты дрожишь-то так, лапушка? Не озябла ли ты? Дай-ка я тебя укурою.

У Светланы снова теплеют глаза, улыбаются губы. Хорошо это, чудесно это — ребенок нашел семью, ласку.

Командир-морьяк Тихоокеанского флота Петр Степанович Безносиков прочитал в газетах о двухлетней девочке Наде Кузьминой, у которой немцы-фашисты выкачивали кровь и кожу вырезали... Командир-морьяк был потрясен. Он прислал письмо, полное волнения:

«...Нет! не увидят пощады кровавые изверги Гитлера. Они получают смерть. Только смерть!.. Я убедительно прошу вырвавшуюся из фашистского плена гражданку Ирину Ивановну Кузьмину, мать несчастной двухлетней девочки Нади, у которой немцы выкачивали кровь и вырезали кожу, откликнуться на это мое письмо и сообщить мне через «Комсомольскую Правду» свой адрес. Я обязуюсь ежемесячно переводить деньги на воспитание ее доченьки Нади, если она выжила после таких страшных мучений, до ее восемнадцатилетия, до совершеннолетия.

Пусть Ирина Ивановна Кузьмина со своей дочерью поедут в поселок Песковку Омутнинского района Кировской области, к моей матери, которая живет по улице Прокофьева, д. 6. Моя мама, Клавдия Савиновна Безносикова, — ласковая старушка, и у нее пострадавшим от фашистских зверств Кузьминым будет неплохо. Моя мама будет воспитывать Наденьку, а я буду высылать деньги на ее воспитание.

Если же девочки Нади нет в живых, я согласен принять на воспитание любого другого ребенка, осиротевшего в результате зверства немецких фашистов.

Пусть же знают враги, что война, которую затеял Гитлер, не разъединит наш народ, а, наоборот, сплотирует его. Война сплотила нас, сделала нашу семью еще более дружной. И детям, осиротевшим в эти дни, мы не дадим погибнуть. Мы вырчим их, воспитаем. На то мы и люди социализма.

С коммунистическим приветом *П. Безносиков*».

Почин работниц «Красного богатыря» и Петра Безносикова вызвал живой отклик в сердцах советских людей. Многие сотни ребят уже приняты в семьи горожан и колхозников.

Государство наше, правительство наше делают все возможное, чтобы детям, вырванным Красной Армией из лап смерти, жилось как можно лучше. Но весь наш советский народ помогает государству сберечь детвору, весь наш народ считает это своим кровным делом, святым долгом.

И особенно энергично, чутко помогают родине сохранить ребят, пострадавших от фашистских зверств, наша прекрасная молодежь, комсомол. С нежностью старших братьев и сестер заботятся об этих детях советские юноши и девушки. Собирают одежду, белье, обувь, книги, игрушки для ребят, помогают открывать новые детдома, детские столовые, заботятся о здоровье ребят, стараются всячески вернуть им утраченную детскую радость. Какое огромное количество теплой одежды собрали комсомольцы Марийской республики для детей, которых раздели и разули гитлеровские бандиты. В Кировской и Молотовской областях комсомольцы развели, в чем нуждаются детские дома, сшили одежду, собрали посуду, сами сделали мебель для ребят, привели в порядок дворы, помещения, встретили детей-сирот, как родных... Это — всюду. Это на Урале и в Узбекистане. Это в каждом городе, в поселке. Многие юноши и девушки на коллективные средства открывают не-

большие детские дома, сами ухаживают в них за малышами. Так было в Калуге. Так было в Пушкине Московской области. В Пушкине комсомольцы сообща открыли детский дом на сто пятьдесят человек, не затратив ни одной государственной копейки.

— Нет, нет, — сказали они, — мы сами, мы на свои средства хотим! И сделали. Надо было заготовить дрова для детдома. Юноши и девушки пошли в лес и нарубили дров. Сами же привезли их, распилили, раскололи.

Дом выскребли, вычистили, окна вставили, стены побелили. Затопили печи. Стало тепло, уютно. Собрали у населения старенькую детскую мебель, отремонтировали, покрасили. Девушки сделали матрасики, сшили чехлы, наволочки, простыни. А потом принялись шить детское белье, платья. Многие девчата свои отрезки мануфактуры приносили.

— Хотела новое платье сшить... успеется... из этого выйдут веселенькие фартучки нашим малышам.

Все, все своими руками сделали комсомольцы — и детскую баню, и кухню, и столовую. Позаботились даже об игрушках — притащили кукол, лошадок, мячиков...

Когда они все это сделали и как?

По ночам, после своих смен на предприятиях. И воскресники устраивали. Как радовалась и волновалась пушкинская молодежь, когда комсомолка Валя Коршунова, директор нового детского дома, могла, наконец, сообщить:

— Наш дом готов к приему детей. Присылайте ребятшек. Ждем!

Робко переступили порог нового очага первые дети. Это были Ваня и Тоня из Истры.

— А мамка сгорела... — прошептал Ваня и заплакал.

Обняла его Валя Коршунова, вытерла слезы, приласкала.

— Мальчик, родной мой... сыночек... братищечка... Не плачь, тебе будет хорошо... Не дадим тебя никому в обиду...

Приехали другие ребяташки. Девушки купали их, стригли, одевали, кормили досыта, дарили им игрушки, книжки.

— Маленькие наши... это все вам... Вы будете тут жить. Вам тут хорошо будет...

— А вы от нас не уйдете? Вы с нами? — спрашивали дети. Им сразу пришлось по душе эти веселые, ласковые, простые девушки.

— Никуда мы от вас не уйдем. Мы — с вами! И стали дежурить комсомолки в детдоме. Играют с ребятами, учат их читать, трудиться. А малышам девушки поют даже колыбельные песни, поют, как молодые матери... И засыпая ребенок долго не выпускает из своей горячей лапки девичью руку и лепечет сквозь сон:

— Мама!?

— Спи, маленький, спи... мама с тобой, — радостно и стыдливо шепчет юная девушка, пригревшая чужое дитя.

Чужое?! Нет, не чужое. Нет, для нас, советских людей, чужих детей. Каждое дитя нам бесконечно дорого.

Просчитались гитлеровские убийцы! Они думали, что дети, пострадавшие от их злодеяний, останутся обездоленными, зачахнут. Они хотели этого. Но родина наша говорит таким ребятам: нет, не сироты вы, родные! Советский народ отомстит за гибель ваших отцов и матерей. Советский народ не оставит тебя, малыш, у которого проклятые немцы отняли мать, родной дом, радость, все... Одни из вас будут жить в детских домах, других возьмут колхозы на патронирование, третьих удочерят и усыновят, приголубят советские матери. Но где бы вы ни жили, вы будете под теплым крылом родины.

Не дадим тебя в обиду, малыш! Уйдет страх из твоих глаз, высохнут слезы, будешь здороветь, крепнуть, вырастет из тебя светлый советский человек.

Детоубийца Гитлер занес меч смерти над светлыми ребячьими головами. Он хочет истребить наших детей. Он хочет истребить всех детей, не принадлежащих к «арийской расе». Он желает, чтобы на земле жили только фашистские пауки.

— Не бывать этому! — говорим мы. Не бывать этому, презренные фашистские гады. Дети будут жить и расти, а фашистской гадине мы отрубим голову. Все человечество ждет того часа. Матери всего мира прокляли подлых детоубийц. Все свободолюбивые народы поднимаются на решающую битву с детоубийцами.

— Смерть детоубийцам! — так заявили советские женщины на митинге в защиту детей от фашистского варварства, состоявшемся в Москве 19 апреля 1942 г.

В обращении к женщинам всего мира участницы митинга писали:

«Матери, подруги, сестры!

Мы призываем вас поднять свой голос протеста против массовых убийств, неслыханных издевательств и мучений, которым подвергает немецкая армия ни в чем неповинных детей.

В детях — будущее народов, будущее культуры и человечества. Жизнь детей — наша жизнь, их счастье — наше счастье. Защитить детей от смерти и страданий — наш долг перед человечеством...

Пока существует Гитлер и его банда детоубийц, ни одна мать в мире не может быть спокойна за судьбу своего ребенка. Только уничтожив фашизм, мы можем спасти жизнь наших детей.

Женщины всего мира, вставайте на защиту детей! Пусть, несмотря на различие рас, религии политических убеждений, имущественного положения, ~~одна могучая сила~~ любовь к родине, к детям объединит все народы на борьбу против общего врага — Гитлера и его преступной банды».

Кровавые фашистские злодеяния известны всему миру. Женщины-матери всех свобододобивых стран встанут сейчас в одну шеренгу с нами, требуют возмездия подлым убийцам детей, помогают разгромить немецких фашистов, помогают сберечь пострадавшую детвору. Только беспощадное истребление гитлеровцев может предотвратить гибель новых тысяч детей в нашей стране и во всем мире.

Час разгрома гитлеровской банды близится. Мы можем его ускорить. Мы должны его ускорить. Каждую минуту останавливается чье-то маленькое детское сердце. Дети ждут. Мы должны уничтожить детоубийц.

Товарищ! Что ты сделал для того, чтобы отомстить Гитлеру за мертвое окровавленное дитя? Проверь себя: что ты еще можешь сделать, чтобы скорей вернуть детям покой и счастье?

— Дяденька, убей гитлеров! — горячо шепчет малыш, укутанный в мамин платок, семена на станцию вслед за бойцами, уезжающими на фронт.

Клянемся тебе, советский малыш: ты будешь спокойно жить и расти на родной земле, а «гитлеры» получают по заслугам, чего бы это нам ни стоило. Клянемся вам, дети наши дорогие, орлята наши родные, гордость наша, будущее наше, советский народ, Красная Армия, любой из нас отомстят палачам за каждую загубленную детскую жизнь, не простят ни одной раны, ни одного рубца на ваших телах.

Гитлер и его кровавые банды будут разгромлены, сметены с лица земли!

Смерть детоубийцам!
